

ХРИСТИАНСКОЕ СОЗНАНИЕ Ф. МОРИАКА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В «BLOC-NOTES»

*Работа представлена кафедрой зарубежной литературы и межкультурной коммуникации
Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор З. И. Курнозе*

«Bloc-notes» (1952–1970) Ф. Мориака – крупнейший сборник статей знаменитого писателя, лауреата Нобелевской премии. Ангажированный писатель-публицист, Мориак подходит к политике, истории и морали с позиций глубоко верующего католика. Страдания, сомнения и счастье Мориака-христианина постоянно присутствуют в «Bloc-notes», как являясь непосредственной темой многих статей, так и создавая общий настрой произведения.

Ключевые слова: публицистика, Церковь, вера, Христос, политика.

F. Mauriac's «Bloc-notes» (1952–1970) is the largest collection of articles written by this famous French novelist, a Nobel Prize winner. Being a committed and fervent Christian, Mauriac approaches politics, history and morality in terms of a deep catholic faith. «Bloc-notes» are filled with suffering, doubts and happiness felt by Mauriac as a Christian, and as these themes recur in many of the articles they determine the general mood of the book.

Key words: journalism, Church, faith, Christ, politics.

В художественном наследии Нобелевского лауреата Франсуа Мориака (1885–1970) одно из главных мест занимает публицистика. По объему она составляет более половины всего созданного писателем. Наиболее значительное публицистическое произведение Мориака – «Bloc-notes», представляющее собой собрание статей, написанных в 1952–1970 гг. для известных французских периодических изданий: *La Table Ronde* (1952–53), *L'Express* (1954–1961), *Le Figaro Littéraire* (1961–1970). Идеи и художественные аспекты публицистики Мориака неоднократно привлекали даже более пристальное внимание, чем его романы, позволяя глубже понять не только историю IV и V Республик, но и особенности современного культурного мира Франции.

Занимаясь журналистикой, Мориак не только оставался писателем, но и старался быть «свидетелем Христа». Прямо или косвенно верой вдохновлены все произведения

Мориака. Как в любом из них он неизменно мысленно возвращается к себе, так и все его мысли возвращаются к Богу. Воспитание и образование, амбиции, желания и заботы Мориака сформировали особую концепцию его христианства, не только установив рамки религиозных убеждений и практик писателя, но и вдохнув в него новую жизнь. Подходя к рассмотрению «Bloc-notes» в этом аспекте, можно найти у исследователей творчества Мориака (Ж. Лакутюр, Ж. Тузо, Ф. Дюран, Б. Кокюла) схожие формулировки. Так, Ж. Тузо в предисловии к «Bloc-notes» говорит об «атмосфере духовности, возвышающей [его] слова»¹, а Б. Кокюла называет это произведение «одной долгой молитвой, обращенной к Христу»². Это неслучайно – Иисус Христос является стержнем веры Мориака, ее первоисточником, в нем реализовывались его чаяния, сомнения и искания: «Он не допустил, чтобы я снова и сно-

ва переоценивал то, что за меня уже решили наследственность и мое воспитание: что я буду христианином, католиком. Только Он, а не обаяние христианства и не очарование литургии»³. Бог Мориака – это Бог, которому в первую очередь отзывается сердце писателя, отсюда и враждебное отношение Мориака ко многим другим католикам и их Богу – воплощению могущества и власти; перед ними он с готовностью объявлял себя атеистом. Для писателя «правда в том, что Христос существует, мы можем встретить его посреди дороги, судьба многих из нас решится в обмене взглядами»⁴. Мориак отрицает «христианство без Христа», потому что глубинные основания его религии построены на вере в Богочеловека и его действительное Присутствие. В «Vlaspotes» поясняется мориakovская концепция религии: «...следует открыть для себя Христа напрямую, без наставлений извне... Христос – это не идея, а Некто. Если Церковь не может привести к Христу, пусть Он приведет к Церкви»⁵.

Принадлежность к Церкви многим давала чувство покоя, защищенности, уверенности; утешение в ней находил и Мориак в середине жизненного пути и ближе к его концу, но все же Церковь была для него «прародительницей», чье невыносимое давление он порой ощущал: «Что же чувствует человек, который с самого начала вырос, работал, страдал, любил под сенью, простираемой Церковью на человеческую жизнь? Почитание? Досаду? Осмелюсь сказать: досадливое почитание»⁶. Писатель часто строг в отношении церковных институтов, методов и истории: «Честно говоря, я не мог бы утверждать, что люблю католическую Церковь как таковую. Если бы я не верил, что эта Церковь получила Слова Жизни вечной, меня отнюдь не восхищали бы ни ее структура, ни ее методы, и многие разделы ее истории меня бы резко отталкивали»⁷. Церковь вызывала досаду Мориака и как писателя. Именно как писатель он сетовал на ее

предрассудки, невежество, недоверие к интеллектуалам и литераторам.

На фоне оппозиционности Мориака по отношению к «официальной» Церкви его собственная концепция христианства, хоть и следует заветам Христа, не дает мира, а зовет к борьбе и с самим собой, своими страстями и страхам, и с другими верующими и неверующими. Как и страсть к писательству, и человеческие привязанности Мориака, так и его вера несвободна от сомнений, потрясений и страдания. Много лет Мориака мучит вопрос: чего стоит его вера? Писатель даже испытывал зависть к обращенным в католичество: не кажется ли неубедительным его собственное христианство, ведь оно было внушено ему с детства? Не осталось ли оно только наивным ребяческим верованием? Он спрашивает себя: «Почему я исповедую именно эту религию? Потому ли, что был в ней рожден?»⁸ Он представляет свое католичество скорее как приобретенное, нежели унаследованное, как результат свободного выбора: «...будет также справедливо сказать, что несмотря на мое воспитание, вопреки ему, я не потерял веру»⁹. Общий подход писателя к вере остается неизменным: более эмоциональный, чем рассудочный, более индивидуалистичный, чем коллективистский, опирающийся в большей степени на Новый Завет, сосредоточенный скорее вокруг Распятия, а не Создателя, вокруг страстей Христовых, а не Воскресения. Для него вера всегда была окрашена трагически, она приносила не только Благую Весть, но и пронизывающее, болезненное и непреходящее ощущение присутствия зла «в мире и в тайниках наших душ». Для Мориака любить Христа ни в коем случае не означало забыть зло. Крест разоблачает грехи: «Я верю в то, что зло существует, и даю ему оценку в свете учения Христа»¹⁰. Это Зло с годами все больше и больше поселяется в мире произведений Мориака, неважно, о чем идет речь: о житейских пороках, которые он видит в каждом человеке, или об исторических и политических преступлениях.

С возможностями, которые принесли его почтенный возраст, знаменитость и новая «трибуна», предложенная Мориаку журналисту редакцией сначала *La Table ronde*, затем *L'Express* и *Le Figaro littéraire*, сочетается осознание важности доверенной ему роли. Уже в статьях для *La Table ronde* формируется постулат, которому Мориак будет следовать семнадцать лет, работая над «Bloc-notes»: «Ma vocation est politique dans la stricte mesure оц elle est religieuse». Ангажированность писателя, таким образом, это его позиция христианина: «Когда я, простой мирянин... обращаюсь к политике, я чувствую, что скромный свидетель Христа, коим я являюсь, компрометирует себя и этим причиняет страдания своей публике <...> Ну что же! Я всего лишь престарелый писатель на пороге смерти, и мне больше нечего терять»¹¹. Ставить себя под удар во имя Христа – особая миссия писателей-христиан, для которых вера и политика часто тесно взаимосвязаны. Выполнение своей миссии, следовательно, требует от них не «избегать действительности», а, исходя из происшествий в человеческой жизни, «искать Бога в людях». Такие действия, напрямую вдохновляемые Евангелием, требуют от ангажированного писателя-христианина постоянного внимания к проблемам мира.

В политической борьбе, которую ведет Мориак-католик, участвуют не только верующие: «Безусловно, в этой битве (за предоставление независимости Алжиру. – Е. В.) на нашей стороне много нехристиан, но для меня верующий человек неотделим от гражданина, и это факт»¹². Он вращается среди атеистов, агностиков, последователей других конфессий, составляющих сообщество доброй воли. Краткая заметка от 25 марта 1961 г. отражает отношение Мориака к молодым коммунистам: «Ко мне приходили студенты-коммунисты. Испытываю большую симпатию. Они напомнили мне молодых викариев, которые у меня часто бывают: с ними я чувствую те же угрызе-

ния совести – мне не хочется их смущать и тревожить. В католическом государстве коммунизм – не последняя ересь»¹³. Он ведет диалог с коммунистами, «узнавая в некоторых себя», не опасается сравнивать Церковь и партию: «В Церкви, как и в партии коммунистов, состоит множество мертвых душ. Но среди живых с обеих сторон существует тайная связь...»¹⁴.

В ангажированности «Bloc-notes» ощущается возрождение Мориака благодаря его вере, религиозный феномен, возвращение к жизни, настоящее воскресение. «Я больше не старый и чересчур известный писатель в конце пути. Со мной еще ничего не случилось. Я еще не начинал жить»¹⁵. Эта заметка еще относится к дебютным «Bloc-notes», но в ней читаются предпосылки знаменитых выступлений Мориака с трибуны сначала *L'Express*, затем *Le Figaro littéraire*; увлекаемый «божественным порывом», писатель бросается в гущу событий. В Евангелии говорится о справедливости для всех – следовательно, христиане должны здесь и сейчас сражаться за нее без колебаний, без компромиссов, не отступая: «Царство Божие не грядет, оно начинается сегодня, оно внутри нас. <...> Где есть душа, исполненная благодати, есть потребность в справедливости»¹⁶. Справедливость же требует вступления в жестокую борьбу за истину. Об истине надо говорить, возвышая голос, чьи бы интересы ни стояли под угрозой, какой бы риск ни приходилось претерпевать. На этом пути надо преодолевать сомнения и пессимизм. Говоря о трагических событиях весны 1954 г. в Индокитае¹⁷, Мориак ставит проблему и приводит свои доводы: «Для политического порядка война в Индокитае является, пользуясь языком религии, абсолютным злом... я ангажирован, в буквальном смысле слова, как солдат, вызвавшийся идти на войну добровольцем. Хотя политическим страстям и удастся порой сбить меня с пути и увлечь за собой, тем не менее, я вмешиваюсь в приземленные проблемы во имя высших причин»¹⁸.

Однако писатель чувствует себя гораздо менее спокойно, когда задумывается о границах своего милосердия. Характеризуя «Bloc-notes», многие исследователи в первую очередь отмечают, что «Франсуа Мориак высказывает там совершенно свободно (и иногда с полным отсутствием христианской кротости!) свои политические воззрения»¹⁹. Но Мориак успокаивает себя тем, что и сам много раз был мишенью более низких и необоснованных атак, и подчеркивает: он, по крайней мере, всегда выдерживался от ударов по частной жизни своих врагов, не распространял клевету и сплетни²⁰. По мнению писателя, политическая ангажированность, напрямую вырастающая из его религиозных убеждений, настроила против него тех, чьи корыстные интересы он изобличал, носителей отживших идеологий, классовых и расовых предрассудков. В заключении к «Новым внутренним мемуарам» Мориак утверждает, что вполне реальная ненависть, которую он навлек на себя, перед судом Бога свидетельствует в его пользу: «Мои враги – мои же свидетели защиты»²¹.

В конце жизни, однако, писателю приходится сталкиваться с более серьезным обвинением – в том, что его любовь к Христу была недостаточно сильной. Мориак не отделился от Христа, но и не отказался от благосостояния, не оставил свое богатство ради святости. Но для него главная вина заключается в его «опьянении» успехом, славой, «восхищенным шепотом, ласкающим слух писателя», принятии почестей. Для верующего, с молодости зачитывавшего Паскалем, для человека, чья жизнь проходит в созерцании Креста, на котором мучился Христос, поддаться успеху – проклятие и грех. В одном из «блокнотов», описывая реплики читателей на его выступле-

ния в прессе, Мориак признается: «Оскорбления смущают меня гораздо меньше, чем проявления доверия и любви»²². Обоснованно ставя себе в заслугу смелость и готовность преодолевать опасности ради Иисуса, писатель отдает себе отчет в том, что эти действия обеспечили ему сторонников среди молодежи и уважение интеллектуальной элиты и благоприятствовали обретению людской славы, суетность которой он, конечно, осознавал, но чье отсутствие его угнетало: «Нам уготована великая любовь, а наши успехи не будут приняты в расчет, ибо они – ничто»²³.

В последние годы жизни образ Мориака, создаваемый в «Bloc-notes», видится достаточно мрачным. Но на страницах его произведений, наполненных тревогой и страданием, достаточно доказательств того, что писателю удавалось обрести покойствие на пороге смерти: «Теперь вера и добродетель, если мы их соблюдаем, придут к нам на помощь. Каждое из этих созданий... было и есть любимо тем, кто существует всегда. Не я это выдумал, но я в это верю. Я верю в обещание Вечной Любви»²⁴. Такой Мориак тоже существует, и это одна из многих граней его личности, полной противоречий и неожиданностей.

Характеризуя общую направленность «Bloc-notes», можно привести высказывание Жака Монферье (Jacques Monfrier) о работе Ф. Мориака в *Sept* и *Temps Présent*, почти каждое слово которого актуально и для «Bloc-notes»: «Стремление за видимой Историей узреть Бога и показать его своим современникам представляется нам глубинным мотивом Мориака-журналиста: он питает его тревогу и его страсть, оно требует от него личностного развития»²⁵. «Bloc-notes» воспринимаются как «посредник» между верой и Историей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Touzot J. Le dieu-Terme et le dieu-fleuve // Bloc-notes. Tome I: 1952–1957. P. 21.

² Cocula B. Mauriac, le Bloc-notes. L'Esprit du Temps, 1995. P. 35.

³ Мориак Ф. Во что я верю. Киев: Д. Л., 1996.

⁴ Bloc-notes. Т. III: 1961–1964. P. 33.

⁵ Bloc-notes. Т. I: 1952–1957. P. 272.

⁶ *Mauriac F.* Oeuvres autobiographiques. Edition йtable, прйsentйe et annotйe par Francois Durand. Gallimard, 1990. P. 338.

⁷ *Мориак Ф.* Указ. соч.

⁸ Bloc-notes Т. II: 1958–1960. P. 54.

⁹ Op. cit. P. 787.

¹⁰ *Мориак Ф.* Указ. соч.

¹¹ Bloc-notes. Т. IV: 1965–1967. P. 45.

¹² Bloc-notes. Т. I: 1952–1957. P. 311.

¹³ Bloc-notes. Т. III: 1961–1964. P. 5.

¹⁴ Bloc-notes. Т. II: 1958–1960. P. 64.

¹⁵ Bloc-notes. Т. I: 1952–1957. P. 73.

¹⁶ Ibid. P. 283.

¹⁷ Поражение при Дьенбьенфу. Штурм вьетнамскими частями французского гарнизона в Дьенбьенфу начался 13 марта 1954 г. и явился полной неожиданностью для оборонявшихся. Несмотря на сопротивление французов, дравшихся с отчаянностью обреченных (историки называют это сражение «второй верденской мясорубкой»), ядро экспедиционного корпуса было уничтожено: за 6 месяцев оборонительных боев потери убитыми и ранеными составили 7184 человека, остальные сдались и дезертировали. Поражение под Дьенбьенфу привело к совершенно противоположному политическому и военному результату кампании 1953–1954 гг. и войны в целом.

¹⁸ Bloc-notes. Т. I: 1952–1957. P. 127.

¹⁹ http://www.francois-mauriac.com/h_foi/htm/roman/memo/h_foi39.htm

²⁰ *Prйface.* Oeuvres autobiographiques. Edition йtable, прйsentйe et annotйe par Francois Durand. Gallimard, 1990, «Mauriac – journaliste», S. Kushnir, coll. «Lettres modernes», Minard, Paris, 1979.

²¹ Op. cit. P. 823.

²² Bloc-notes. Т. III: 1961–1964. P. 13.

²³ Bloc-notes. Т. V: 1968–1970. P. 309.

²⁴ Bloc-notes. Т. IV: 1965–1967. P. 322.

²⁵ *Monfйrier J.* Les «billets» de Francois Mauriac dans Sept et Temps Prйsent (1934–1940). Revue des Lettres Modernes, sйrie Francois Mauriac, № 3, Paris, Minard, 1980.